Комментарий
6 февраля 2025

Беларусь и ЕАЭС: Расчет на фоне геополитических сдвигов

Евгений Прейгерман

Опубликовано Итальянским институтом международных политических исследований (ISPI)

Резюме

Беларусь рассматривала ЕАЭС как стратегический инструмент для достижения экономических выгод и геополитического баланса, но меняющаяся динамика частично изменила расклады. Тем не менее, ЕАЭС остается привлекательным для Минска.

Содержание

1 Белорусская логика участия в ЕАЭС
2 Международный контекст и «интеграция интеграций»
3 Переломный момент 2020/2022 годов

С начала 1990-х годов — еще до прихода к власти Александра Лукашенко — Беларусь участвовала во всех ориентированных на Россию постсоветских интеграционных инициативах, включая Содружество Независимых Государств (СНГ), Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС). Последнее стало предшественником Евразийского экономического союза (ЕАЭС), соучредителем которого Беларусь выступила в мае 2015 года. **Минск вступил в ЕАЭС из прагматических соображений**, хотя и с оговорками. **Он стремился использовать его для укрепления переговорных позиций с Москвой и для расширения возможностей хеджирования во внешней политике, когда геополитические реалии это еще позволяли**.

Белорусская логика участия в ЕАЭС

Постоянный интерес Беларуси ко всем форматам постсоветской интеграции обусловлен как минимум двумя ключевыми факторами. *Во-первых*, **распад СССР оставил экономику Беларуси в глубокой зависимости от России**, больше, чем в

случае других бывших советских республик. В составе СССР Беларусь функционировала как промышленный «сборочный цех», где часто завершался производственный цикл готовой продукции. Большая часть ее большого промышленного сектора (около 60% ВВП в 1990-х годах) зависела от **импортных энергоресурсов и промежуточных компонентов**. Также Минску был нужен доступ к относительно низкоконкурентным экспортным рынкам. Эти потребности и давняя взаимодополняемость белорусских и российских производственных структур объясняют **сохраняющуюся привлекательность для Минска двусторонней и многосторонней интеграции с Россией**.

Во-вторых, белорусские амбиции по диверсификации своих внешнеэкономических связей и, таким образом, снижению зависимости от России, сдерживались **с середины 1990-х годов постоянными политическими противоречиями с Западом.** Эти противоречия привели к долгоиграющим **западным санкциям**, слабой правовой основе для сотрудничества с ЕС и глубокому **взаимному недоверию между Минском и западными столицами**.

> В таких условиях **Беларусь ставила для себя во главу угла возможности, а не риски расширенного партнерства с Москвой**. И делала ставку на свои **геостратегические рычаги влияния в отношении России как способ добиваться от нее выгодных условий сотрудничества**.

Эта стратегия требовала стабильной нормативной базы экономических отношений с Москвой, которую последняя не могла бы изменить в одностороннем порядке, и выравнивания условий ведения бизнеса (включая одинаковый доступ к энергоресурсам) для субъектов хозяйствования обеих стран. В этом аспекте ЕАЭС выглядел особенно привлекательным для Минска. В отличие от более ранних постсоветских интеграционных форматов, он обещал создание развитых институтов и правовой базы, основанных на транспарентных правилах и экономическом прагматизме.

Таким образом, в ЕАЭС Беларусь увидела шанс создать, примерно по модели Европейского союза, **экономически равноправную среду и установить с помощью обязательных к исполнению многосторонних соглашений ограничители на политическую мощь России.** Ожидания Минска от ЕАЭС в этом отношении выглядели идентичными тому, чего обычно добиваются небольшие государства в интеграции с более крупными экономиками.

Примечательно, что при ратификации Договора о ЕАЭС 9 октября 2014 года белорусский парламент принял специальное заявление (оговорку). Оно акцентировало, что *«Беларусь добросовестно будет выполнять свои обязательства в рамках договора и предпримет иные меры по его реализации при условии, что к этому моменту будут достигнуты конкретные договоренности о снятии барьеров, ограничений и изъятий в торговле отдельными товарами и оказании отдельных видов услуг, в первую очередь в отношении энергоносителей, продукции сборочных производств, либерализации автоперевозок и других чувствительных позиций».* Более того, Минск (и Казахстан) ясно заявили о своей решимости сохранить ЕАЭС как экономический проект, а не политический.

Международный контекст и «интеграция интеграций»

Важно отметить, что **ЕАЭС был создан в геополитической атмосфере, которая заметно отличалась от ситуации сегодня**. Хотя напряженность между Россией и Западом уже нарастала, **она все еще не препятствовала серьезному экономическому сотрудничеству**, позволяя извлекать выгоду находящимся между ними небольшим государствам. Визионерская идея общего экономического пространства от Лиссабона до Владивостока все еще звучала как осуществимое «партнерство по выбору».

Кроме того, Беларусь и ЕС активно нормализовывали свои собственные отношения, открывая новые возможности сотрудничества для Минска. В этом международном контексте **белорусское правительство воспринимало ЕАЭС не только как самостоятельную ценность, но и как потенциальный институциональный мост к более широкой общеевропейской экономической интеграции**. Минск инициировал и продвигал концепцию «интеграции интеграций», полагая, что прямой диалог ЕАЭС-ЕС будет наиболее благоприятствовать тесным отношениям с ЕС.

> Белорусский интерес к экономическому пространству от Лиссабона до Владивостока был очевидным. Он основывался на ожидании, что «интеграция интеграций» закрепит выгодные соглашения в рамках ЕАЭС и мультиплицирует их экономические эффекты.

Количественные исследования показывали, что Беларусь станет основным бенефициаром, если ЕС и ЕАЭС смогут заключить крупное соглашение о торговле. Более того, эта идея соответствовала более широкой стратегии внешнеполитического хеджирования Минска, которая была направлена на

минимизацию геополитической уязвимости и максимизацию геостратегических возможностей. Преодоление российско-западного раскола было ключевым компонентом этой стратегии.

Переломный момент 2020/2022 годов

Президентские выборы в Беларуси в августе 2020 года открыли новую главу во внешней политике Минска и его отношениях с Москвой, в том числе в рамках ЕАЭС. **Санкции,** введенные ЕС **после выборов, и ответные меры со стороны Беларуси ликвидировали поле для геополитического маневра, которое лежало в основе стратегии хеджирования Минска**. В результате Москва осталась практически единственным крупным партнером Беларуси. Ситуация осложнилась еще больше после вторжения России в Украину в феврале 2022 года, особенно после того, как российские войска начали наступление с территории Беларуси. Идея превратить ЕАЭС в связующее звено с ЕС теперь мертва, а многочисленные пакеты западных санкций после 2022 года против Москвы и Минска стали вызовом также для **ЕАЭС и сотрудничества между его отдельными государствами-членами.**

> Однако даже в этих новых обстоятельствах первоначальные расчеты Беларуси относительно ЕАЭС по крайней мере частично оправдались, что объясняет сохраняющееся желание страны продвигать интеграцию в рамках организации.

Важно, что институциональные рамки ЕАЭС усилили Минск дополнительными аргументами в переговорах с Москвой о б**олее справедливых ценах на энергоносители и доступе к огромному российскому рынку для белорусских товаров**. Более того, макроэкономические исследования показывают, что Беларусь также получила преимущества в торговле с другими государствами-членами ЕАЭС.

Евгений Прейгерман
Директор, Совет по международным отношениям «Минский диалог»